

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 18-19 (54-55)

III.

Движение вверх по реке Цеце. Черемша. Остатки сербноразливного завода. Долина Туба. Скала «Монастырь» и хакучинская легенда о Прометее. Перевал в долину реки Пшиш. Сакма хакучей и след зубра. Гойтхский перевал и печальное положение станиц в верхней части долины реки Пшиша.

15 апреля, на рассвете, мы выступили вверх по реке Цеце и, пройдя до впадения в нее реки Годжедж (впадает слева), следовали версты две долиной последней; затем взяли влево и направились ущельем реки Тух (впадает справа в Годжедж). Ночью подморозило. Тропинка, по которой мы растянулись гуськом, то показывалась, то исчезала под сухим листом, которым была покрыта почва лесистых горных склонов, принуждая нас временами даже идти самой речкой, в то время еще неглубокой. По мере подъема нашего, иней, покрывавший землю, превращался в снег, становившийся все глубже и глубже. Скоро исчезли и последние зеленые прогалины, и мы пошли сплошным лесом. Погода была пасмурная; холодный северный ветер гнал серые тучи; временами срывался снежок. Плотно закутавшись в бурки, висели мы на седлах. Дурная погода не располагала к разговорчивости, и даже Ф* не покушался на обычные рассказы. Нам хотелось успеть перевалиться в тот день в Тубу (приток реки Пшехи), чтобы хоть заночевать не на высотах, а для этого пройти по сквернейшей дороге надобно было около 35 верст. Часу во втором дня, спустившись с одного из уступов седловины, служащей водоразделом рек Тух и Пшипси (этим именем называлась у горцев глубокая долина верхней части реки Пшехи), мы выбрались на небольшую площадку и сделали привал, чтобы дать отдохнуть выюкам. Едва я слез с лошади, как ко мне подошел Гуашев с пучком травы, похожей на листья ландыша, и, отделив половину, подал мне, а остальную начал жевать. Я понюхал пучок и чуть не бросил: острый запах чесноку оскорбил мое обоняние и заставил меня догадаться, что это была черемша. Подошедший к нам доктор подтвердил мою догадку и, с видимым удовольствием, последовал примеру проводника. Подоспевшие солдаты живо заметили лакомое растение и рассыпались по площадке, отыскивая поднож-

ный корм.

— Это... тово... alium ursinum, — говорил Егор Петрович, — как эта речка называется?

— Тух, — ответил я.

— Благодарю, я так и запишу... — и он полез в карман за тетрадкой.

Пройдя еще с час ущельем Тух, мы вышли на другую небольшую площадку, на самом берегу реки. На ней стояло какое-то строение, или, лучше сказать, остатки постройки, похожей с первого взгляда на блокауз без крыши. Оно имело квадратную фигуру, длиною по фазу около десяти сажен, и состояло из бревенчатого палисада. Часть ограды была разрушена; мы вошли вовнутрь постройки. Там мы увидели развалины трех деревянных изб, венцевой кладки, и столько же остатков печей, частью кирпичных, частью из бутового камня. Это-то и были остатки сербноразливного завода Лапинского и К*.

Отсюда начинался уже настоящий подъем к верховью Пшипси и мы, пройдя еще версты две или три, вышли почти к истокам этой реки. Погода несколько прояснилась, но ветер дул с прежней силой. Часам к пяти вечера, направляясь полугорьем, параллельно течению Пшипси, пришли мы к реке Пшехе, и перед нами раскинулась, во всей красоте, грандиозная котловина Тубы, окруженная высокими, скалистыми, частью покрытыми снегом, горами, по ребрам которых пестрели зеленые поляны и темные пятна хвойного леса. Внизу, между цветущими фруктовыми рощами и садами, яркими лугами и мрачными утесами неслась голубая Пшеха. Мы выбрали одну из террас над Пшехой, закрытую от ветра скалою, и стали. До вечера оставалось мало времени, и потому мы отложили подробный осмотр Тубинской долины до другого дня.

На утро погода была отличная. Мы спустились к месту

ОРЕХОВ И. ПО СЕВЕРНОМУ СКЛОНУ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (Из путевых заметок)

впадения реки Пшипси в Пшеху и, пройдя версты две, вышли к устью другого ее притока, Тугупсу (впадает слева). Здесь и почва, и растительность были совсем иные: вместо скал и хвойных деревьев были отлогие склоны, поросшие дубовыми рощицами или густой зеленой травой. Мне особенно понравился последний плоский и отлогий уступ, разделяющий в низовьях реку Пшипси от Пшехи. Покрытый молодым, стройным дубовым леском, с удобными натуральными спусками, с одной стороны в Пшипси, с другой к Пшехе, он, сверх того, окружен был лугами и открывал превосходный вид по всей длине Тубинской котловины. Лучшего места для поселения роты, казалось мне, трудно было и пожелать. Я сообщил свое мнение Ф*, но он думал иначе.

— Что вы, батюшка? — возразил он, — да разве можно в такую трущобу людей ставить? Ведь тут только лес да скала, а ни воды, ни травы нет!.. На такую гору ставить! Да тут час ходу к воде, да от воды столько же. Что вы? Как можно?..

— Полноте, Афанасий Афанасьевич! Вы взгляните, какая покатая здесь гора. Вот и следы колесной дороги, — отвечал я, показывая не совсем еще заросшую колею, ведущую прямо на уступ. — Уж если горцы, не умея строить дорог, ездили здесь арбами, так чего же роте бояться трудного подъема. С другой стороны, тут все есть: лес дубовый, строевой; где срубил, там и строй!..

Тем временем мы начали спускаться с холма. Оглядываясь по сторонам, чтобы проверить и исправить свой чертеж, я заметил влево от дороги два небольшие дубка, выросшие на буграх, формой и величиной похожие на селитряные бурты. Указав их Гуашеву, я спросил у него значение этих неровностей почвы.

— Это могилы, — передал

мне Натырбов его ответ.

Мы поехали в ту сторону и увидели, что весь склон террасы, до самой ее подошвы, был усеян могильными насыпями, слишком однако крупными для одиночных людей, тем более, что горцы, большей частью мусульмане, неглубоко закапывают своих покойников, а не делая большой выемки, не могут и насыпать высоких курганов. Почти на каждом кургане росло дубовое дерево, иногда и несколько деревьев.

Такое множество могил заставило меня спросить: не было ли здесь у тубинцев когда-либо большого сражения?

— Было, — ответил Натырбов: у горцев редкий месяц проходил без дела; но это могилы не убитых в сражении, а, должно быть, умерших от болезни, которая в горах была припрадеде моем. Тогда целые племена вымерли. Болезнь эта приходила из Турции, и от нее никто не выздоравливал.

Нетрудно было догадаться, что речь шла о чуме, которая, в последней четверти прошлого столетия, уничтожила более трети горского населения западного Кавказа. В кавказских архивах есть в делах указания об этом страшном бедствии.

Слова проводника заставили меня призадуматься над выгодой помещения роты в соседстве с чумным кладбищем. Конечно, почти сто лет времени могли обратиться и, вероятно, обратили в прах все, что только могло сообщать заразу, но ведь могла же на беду откопаться как-нибудь, при разработке дороги, при копании огородных гряд или при иной работе, часть гроба или кость зачумленная...

Я спросил Г-го: можно ли заразиться на чумном кладбище и через сколько, примерно, лет после погребения покойника все закопанное в землю истлеветает; но почтенный Егор Петрович не мог мне дать на это положительного ответа, пояснив только, что чума — болезнь, от которой еще лекар-

ство не выдуманно, да и сама болезнь совсем почти не исследована.

— А что значат деревья на могилах? — спросил я Натырбова.

— Это адат (обычай) такой прежде был. Деревья сажали на могилах, чтобы родные могли узнать могилу и курбан (жертву) приносить.

Это объяснение навело меня на мысль по возрасту дерева попытаться определить старость кладбища. Я выбрал самый толстый дубок, диаметром, однако, не более одного фута, и попросил проводников срубить его. Они принялись тесать его кинжалами и через несколько минут просекли на столько, что можно было приблизительно сосчитать число слоев. Я насчитал их больше 80, что указывало на эпоху моровой язвы, как раз совпадающую, по времени, с рассказом горца.

Мы присоединились к ожидавшей нас команде и нашли Ф* крепко не в духе. Завидев нас, он тотчас же приказал команде идти, и сам выехал вперед. Подогнав его, я хотел спросить, не слышал ли он чего-либо о давней чуме; но сумрачный его вид, вместе с опасением подвергнуться поучению о необходимости гуманного взгляда на солдата, удержали меня.

Я теперь тоже находил неудобным селить роту при впадении Пшипси в Пшеху; но мнение мое основывалось на опасности, какую представляло соседство кладбища. Мы проехали молча около получаса вниз по долине, переправясь дорогой с полдюжины раз через реку Пшеху...

Ф* успокоился, хотя и косился еще по временам на Натырбова, у которого в тот день висела через плечо моя чертежная сумка. Он даже начал удивляться красоте долины, действительно прелестной. Только доктор что-то подремывал на своем хакучинце, неуклюже покачиваясь в седле.

Час спустя, мы пришли к устью речки Гогопс, впадающей в реку Пшеху слева. Из верховья Гогопса, близко сходящегося с верховьями Хакучинсы (приток Псезуапе) и Ашше, лежит тропа, по которой хищники южного склона переходили на северный, для грабежа и воровства. Несмотря на двукратный поход против них в 1865 г. (весной и осенью) и на выселение, в том же и в следующем году, нескольких тысяч хакучей в Турцию, сотни этих разбойников еще держались в горах, в чрезвычай-

ПО СЕВЕРНОМУ СКЛОНУ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

чайно дикой местности истоков рек Шахе, Бзыча (приток реки Шахе), Ашше и Нуажи (приток реки Ашше).

Тубинская долина, по своей величине и богатству, а также по доступам из нее в долины Пшиша, Цеце и на южный склон, требовала постоянного надзора и постоянного присутствия, хотя небольшого числа, хорошо вооруженных и готовых к отпору людей. Устье реки Гогопса, как находящееся почти на середине Тубинской долины, представляло, по видимому, наибольшие удобства в военном отношении, давая возможность с одинаковой быстротой поспевать всюду, откуда бы хищники ни показались. Я сообщил свое мнение Ф*. Он согласился с ним вполне. Оставалось только сделать выбор хозяйственный и гигиенический, т.е. отыскать места, с признаками здорового климата, для строения и осмотра необходимых угодья. Н-в, бывший здесь, и прежде говорил, что всего в полуверсте есть довольно возвышенная площадка, обильно снабженная водой и пригодная для разбивки поселка. Мы сделали привал команде и выюкам на берегу реки Гогопса, в фруктовом саду, вероятно составлявшем часть усадьбы какого-нибудь зажиточного горца, что доказывали окружавшие его темные пятна пожарищ и обгорелые остатки саклей и плетневой огорожи, а сами поехали за Н-м вниз по Пшехе.

Мы переехали вброд реку Гогопс, и Н-в повел нас, извилистой тропинкой, на одну из ближайших террас. Площадь ее, (около $\frac{1}{4}$ квадратной версты), слегка наклоненная к северу, покрыта была зеленой травой и группами кустов и фруктовых деревьев. Над ней подымался другой уступ, такой же плоский, еще более обширный, соединенный с первым отлогим спуском. Посередине между ними одиноко торчал небольшой холм, из которого подымались фантастические очерки огромной скалы — «Монастырь» (наsupротив бывшей станицы Тубинской, расселенной по нездоровью климата). Название «Монастырь» дано этому утесу солдатами за его оригинальную форму. Только не скажу, чтобы он напоминал нашу или византийскую церковную архитектуру; скорее это аббатство, или развалины рыцарского замка. Высокие пики гранита, точно обелиски, [307] в нескольких местах высятся из массивного каменного параллелепипеда, прислоненного задним фасадом к верхней террасе. Темные трещины, зубцы и пята, вкрапленные в общем сером фоне гранита с замечательной правильностью, в тех именно местах, где глаз, встречавший контуры подобных зданий на берегах Рейна и Эльбы, ищет дворов, окон и подземных мостов, придает еще более сходства этой игре природы с делом средневекового зодчества. У подошвы каменной глыбы протекал быстрый,

прозрачный ручей и каскадом сбрасывался в Пшеху. Деревья, живописными группами окружающие этот прелестный уголок, представляли смесь флоры средней полосы России с деревьями чисто-южного характера: так, яблоня и ольшаник встречались в соседстве с высокой черешней и персиком.

Объехав площадку, я занялся наброском ее на бумагу. Ф*, сначала косо взглянувший на мое занятие и даже заикнувшийся было о неудобствах спуска к реке, успокоился, увидев, что, помимо близости Пшехи, уголок этот снабжен достаточно водою ручья. К тому же живописность места и видимое отсутствие сырости почвы и неразлучной, в таком случае, лихорадки, обратили даже его внимание и поместили с моим занятием.

Пока я, взобравшись на верхнюю террасу, занят был черчением, проводники мои о чем-то горячо разговаривали, и Гуашев энергично жестикулировал. Кончив работу, я спросил Натырбова: о чем шла речь?

— Пустяки рассказывает, — отвечал тот, пожав плечами, и снова зацокал и захрипел по-черкесски, обращаясь к товарищу.

— Переведи, однако, эти пустяки.

— Говорит, начал Натырбов, что очень давно, когда люди не умели еще строить саклей, а жили как звери и питались чем попало, жил на земле сильный и умный джигит. Все ему удавалось. Стада у него были, а ни у кого их не было. Стал он первый людей учить, как зверей ручными делать, как сакли строить, вместе жить и никого не бояться. Трудно было ему одному: никто сначала не верил ему, но он был сильный и умный человек и успел наконец. Послушалось его несколько семейств и выстроили маленький аул, приручили коз и баранов, завели стада и собак. Тогда еще не знали люди, как огонь добывать, а если и видели, что гроза дерево зажжет, так бежали прочь и прятались, чтобы и их гром не убил. Один тот джигит ничего не боялся и часто ходил смотреть, как лес горит от молнии.

Раз ходили стада на горах, над пропастью. Поднялась гроза, молния ударила в самое стадо и оглушила одного пастуха. Прочие бежали в свой аул; стадо испугалось и, бросившись со скалы, все погибло. Один только сильный человек не испугался, отнес пастуха в пещеру, пробыл с ним целый день, а на другой день привел его в аул совсем здорового. Испугался аул и стал верить сильному человеку во всем, и почитал его как Аллаха. И показал сильный человек людям, как огонь из кремня добывать, как железо ковать; многому хорошему выучил он свой аул, забыл только научить Богу молиться.

Однажды проснулись в ауле люди, видят: нет сакли сильного человека, а только зола на

том месте видна. Начали искать — не нашли нигде. Долго ходили, вернулись наконец и стали думать, что он оставил неосторожно огонь на ночь, да и сгорел. Только тот пастух не поверил, чтобы такой умный человек мог пропасть по глупости своей; простился с товарищами и пошел искать его по целому свету. Много лет ходил он: взбирался на высокие горы, спускался в глубокие ущелья, переплывал моря и реки, а друга своего не находил. Из молодого человека сделался аксакалом (Буквально: белая борода, т.е. старик), а все искал — не хотел умереть, не отыскав его. Наконец пришел сюда в Тубу. Обошел он все горки, горы и овраги, утомился наконец, и приблизился к одной скале, чтобы заснуть под ней, как слышит: кто-то зовет его по имени. Он поднял голову и видит, что над ним висит тот, кого он искал, прикованный цепью к самой верхушке скалы, а около него два орла летают, по очереди на него садятся и грудь ему клуют. Испугался аксакал и упал лицом на землю. «Ты ли это, сильный человек? — крикнул он несчастному?... — За что и кто тебя так мучит?»

— Я, — отвечал тот. — И за то меня Аллах на казнь такую осудил, что я его забыл и сам стал думать, что равен ему; после того как тебя громом оглушило и я возвратил тебя к жизни, я перестал ему молиться. Теперь ты видишь, как я мучусь! То, что днем выключают эти скверные птицы, ночью нарастает, чтобы я умереть скоро не мог и вытерпел до конца свое наказание.

— Что же нужно сделать, несчастный, чтобы умиливать Аллаха, и чтобы он тебя простил?

— Нужно молиться и столько выплакать слез, чтобы от них цепи мои проржавели насквозь. Тогда, значит, Аллах меня простит, потому что я упаду и убьюсь до смерти.

И стал аксакал на молитву под скалой. Долго и усердно молился и плакал он, и каждый раз, когда падала слеза его на землю, звенели цепи прикованного, и птицы пугливо отлетали, а осужденный вздыхал свободнее. И молился аксакал Аллаху, чтобы он не дал ему смерти, пока не вымолит прощения осужденному. Прошло много сот лет, и все он стоял на молитве, не ел и не пил ничего и не спал даже, а все плакал. Раз, когда он особенно усердно молился, почувствовал он, что спать хочется. Заснул он и снится ему, что кто-то ему во сне говорит: «Молитвы твои услышаны, скоро умрет преступник, а ты иди в свой аул и научи людей, чтобы меня не забывали, да приведи сюда кого-нибудь из них, чтобы видели, как я наказываю тех, кто меня забывает и не слушает».

Проснулся аксакал и догадался, кто с ним говорил. Посмотрел на друга своего, видит: цепи совсем на нем ржавели, едва держатся, и птиц нет, и сам он чуть-чуть

дышит. Опрометью побежал старик в свой аул. Приходит — вместо одного аула, целый народ живет; смотрят на него и удивляются. Стал он им рассказывать как и за чем пришел — не верят. Долго упрашивал он идти за ним, наконец убедил: пошло за ним несколько человек. Приходят, увидели, да так испугались, что упали наземь и поклонились Аллаху. Только что они это сделали, ударил гром, затряслась земля, и прикованный упал, рассыпавшись прахом, а друга его аксакала Аллах обратил в ручей. У них, хакучей, говорят, что это вот та самая скала, где сильный человек прикован был, а это, добавил Натырбов, тот самый ручей, в который Аллах аксакала обратил.

Я задумался над этим рассказом. Сходство его с легендой о Прометее устранило все сомнения о тождестве с последней. За Кавказом очень распространено подобное же сказание, и его относят к той, то к другой горе или скале, чем-либо поразившей воображение окрестных жителей и расшевелившей их четкую фантазию. Так, предание о волшебнике Амиране, прикованного во Внутри Эльбурса, то на одной из гор Лечгума, известно и грузинам, и лезгинам, и осетинам.

— Как же звали сильного человека, которого Аллах наказал? — спросил я.

Натырбов перевел мои слова.

— «Хамри», — ответил тот. Я занес в свой походный журнал рассказ полудикого хакуча, в той подробности, в какой слышал, как любопытный факт живучести народных преданий и как образчик яркой фантазий племен, еще не успевшего выйти из младенчества. Как и чем запечатлелся в народном воображении этот эллинский миф; почему и древние греки, и полудикие хакучи относят место казни Прометея к одной из скал Кавказа; объясняется ли этот факт присутствием в горах последнего выселения 63/64 года потомков древних аргонавтов, ходивших в Колхиду, или занесен он сюда в позднейшую эпоху, в эпоху, может быть, процветания Босфорского царства — Понта, или в пору богатства и силы греческих колоний Тавриды — вот вопросы, которые теснились в моей голове, не находя решения...

За выбором двух мест, одного на реке Мезмае, другого на реке Цеце, третьим местом, признанным нами удобным, была только что виденная нами терраса... Чтобы убить остаток дня, мы с П-м, после обеда, взяв с собой проводников и Пахомова, проехали верхом сперва вверх по Гогопсу, а потом назад и вниз по Пшехе версты на четыре или на пять. В обеих этих долинах мы нашли много следов жилья, отличные фруктовые деревья, старые пахати и луга (особенно на Пшехе), но еще более видели недавних могил, из которых иные были украшены

памятниками из белого мрамора, в виде узкой плиты, вертикально воткнутой в насыпь и увенчанной чалмой. Надписи, которыми они были покрыты и в которых я думал доискаться намека о личности покойников, состояли, по большей части, или из стиха корана, высеченного затайливым рюк'кэ (особенно красивый, но нечеткий шрифт арабской азбуки), или изображали очень длинное турецкое или арабское имя, какими, сколько мне известно, горцы не назывались. Проводники объясняли мне эту странность тем, что монументы привозились из Константинополя уже готовыми, на турецких кочермах, приставивших в Туапсе, и горцы, за исключением хаджиев и мулл, знавших арабский язык, совсем и не придавали надписям значения надгробных эпитафий, а смотрели и на самые памятники как на украшение, ставя их не только на кладбищах, но и в садах.

Прогулка наша кончилась к сумеркам. Г-ий не выходил из палатки, и Ф* видимо скучал, не зная с кем поделиться своим взглядом на службу вообще и на службу солдата в особенности. Нашему возвращению он очень обрадовался и тотчас же распорядился и чаем, и разговором. Первому я не препятствовал; второй же направил исподволь на богатство легенд в горах кавказских, высказал сожаление, что, за выселением горцев, Кавказ много утратил и своей дикой поэзии, и материалов для истории и этнографии края. В заключение я передал ему рассказ о Хамри. Ф* был очень обрадован очевидным родством этой легенды с греческой и до самого ужина продолжал рассказывать о подвигах Боцариса, Ламбро и других героев освобождения Греции.

Мы выступили на другой день на рассвете и, обогнув полугорьем хребет Шесси и перевалившись дорогой через дюжины две больших и малых его отрогов, часам к четырем стали бивуаком в широкой котловине невысокого, излучистого хребта, отделяющего воды правых притоков речки Кушако (впадающей в Пшеху ниже Гогопса, близ станицы Кушинской), от правых же верхних притоков реки Пшиша...

Свойства дороги, описанные накануне Гуашевым, оказались точно не из приятных. Мы карабкались на подъем крутизной не менее 15°, сначала через сплошной еловый лес, а потом по снежным прогалинам. Чтобы облегчить выючных лошадей, мы от времени до времени делали короткие привалы, но все это было недостаточно: подъем, на который мы лезли уже четыре часа, казался бесконечным, а испорченная валежником и терпящаяся под снегом и сухим листом тропа, заставляя часто прибегать к помощи топоров и заступов, еще более замедляла наш марш. Верховых лошадей все мы вели в руках, кроме Ф*, которому, при его полноте, нечего было и думать

ПО СЕВЕРНОМУ СКЛОНУ ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА

взбираться пешком на такую крутизну. Под ним был небольшой, но чрезвычайно широкий иноходец завода Лоова, вынесший на своей спине полновесную особу седока и утомившийся не больше наших лошадей, шедших в поводу...

Гуашев, которого волчьи глаза не могли останавливаться больше секунды на одном предмете, нагнулся к кучке сухого листа и хвои и, внимательно взглядевшись в нее, заболтал по-черкесски, обращаясь к Натырбову. Я успел только разобрать из его речи одно знакомое слово: «хогура», что означало дорогу. По энергическим жестам его можно было догадаться, что речь идет о вещи очень интересной. Оказалось, что наш Патфайндер открыл сакму, или след большого табуна лошадей, пробежавших недавно через тропу, которою мы следовали; что он уже видел раз следы эти неподалеку от места привала и принял их сначала за след наших же выючных коней. — Я знаю, — добавил он, — что отсюда есть дорожка в верховье реки Нуажи (приток реки Ашше, на южном склоне), но только ее, кроме хакучей, никто не знает, потому что русские хотя и были в прошлом году в истоках Нуажи, однако ходили не по ней.

Обстоятельство это, точно, состоялось загадочным. Я пригласил Ф*, и мы все вместе, под руководством Гуашева, проследили сакму шагов на сто. Следы, по-видимому, избегали снега, попадаясь на нем только случайно, и нетрудно было догадаться, что такая странность не могла быть делом одного случая.

Подтянув выюки и на всякий случай отправив вперед, в виде патруля и фланговых цепей, десять из наиболее проворных стрелков, мы продолжали подъем, который, впрочем, здесь уже становился не так крут, менее лесист, и потому представлял больше удобств для движения. Через полчаса мы взобрались на плоский и узкий гребень, слегка покрытый снегом. Отсюда начинался уже спуск в долину Пшиша. Гуашев, сделавшийся после открытия им сакмы еще более осмотрительным, остановил нас еще раз, указав на след какого-то зверя из породы оленя, лося или быка, что можно было вывести по отпечатку его огромного раздвоенного копыта. Величина следа была несколько больше чайного блюдца. Зверь шел, по-видимому, рысью, потому что следы были вытянуты в одну линию; но расстояние между ними было не менее полутора аршина.

Гуашев уверял, что это огромный дикий бык, называющийся у горцев дым-бей, или адым-бей, т.е. зубр; но я не смею утверждать, чтобы следы именно принадлежали зубру, так как, сколько мне известно, животное это водится под главным хребтом только на границах Абхазии и Цебельды, да в верховьях Кубани, и не любит подходить к жилью, а мы были

слишком далеко от тех мест и находились всего в двух часах пути от станицы Перевальной. С другой стороны, я не знаю иного животного, которое, принадлежа к виду быка, имело бы такие громадные размеры. Предоставляя, впрочем, людям более компетентным решить вопрос: встречается ли зубр в верховьях Пшиша — передаю, что видел.

С началом спуска, нам открылся превосходный вид на длинную, узкую долину Пшиша. Солнце ярко светило, и, заслоняясь по мере нашего спуска от холодного ветра, мы чувствовали, что из негостеприимной области зимы переходим в царство весны. По обеим сторонам нашей дороги показались зеленые старых горских пашней и развалины аулов. Вдали белелась станица Перевальная, живописно приотвешиваясь на берегу Пшиша...

Длинный, утомительный переход, часть которого пришлось сделать пешком, и свежий горный воздух, раздражали мой аппетит, и я, взяв с собой Натырбова и Н-ва, поспешил в станицу, поискать съестного.

Через четверть часа мы были уже в самой станице и отыскивали хату получше, где бы можно было остановиться. Подъезжая к станице, я был удивлен малым количеством запашки, лугов и сенокосов, редкостью и невзрачным видом деревьев и отсутствием той домовитости и той зажиточности, которые так бросаются в глаза при въезде в любую из станиц старых линий. Избы маленькие, наполовину недостроенные, разбросаны в беспорядке далеко не так живописно вблизи, как издали; нигде не видать ни запасов хлеба, ни рабочего скота. Пять, шесть тощих свиней с трехугольными ярмами на шеях, несколько кур перебежавших нам дорогу с пугливым кудахтаньем, да оцетинившийся и вслед затем завывший голодный пес, были единственными живыми существами встретившими нас. Только подъехав к первой из изб, которую можно было без греха назвать лачужкой, мы увидели вышедшую на крыльцо пожилую бабу, в плохой одежке, глядевшую на нас из-под руки, которой она заслонялась от солнца.

— Здравствуй, землячка! Нельзя ли у вас в хату на полчаса, пока команда подойдет? — обратился я к ней.

— А вы кои? — спросила она меня вместо ответа.

— Да вот с командой с гор спустились, места и дороги разведывали.

— Казенная фатера будет вот-эна-где!.. — И она махнула, рукой по направлению другого конца станицы: — Туда и ступайте.

— Да нам, голубушка, не на квартиру; об квартире после спросим, как команда подойдет, а вот покамест...

— Покамест, что же, можно... погодите, ужотко парня вышло. — Баба скрылась в

двери.

Через минуту из тех же дверей юркнул парнишка лет [316] десяти, в тулупе, доходившем ему до пят, и в огромном синем картузе, с красным околышем и козырьком, очевидно забравшим сюда с берегов тихого Дона.

Я слез с лошади и, передав ее мальчику, отправился в избу.

Изба оказалась внутри лучше, чем можно было рассчитывать, судя по ее внешности. Хотя тесная, она была однако же довольно опрятна; в углу виднелся порядочный запас икон, в так называемой божнице. Отсутствия медных складней с осьмиконечными крестами и лестницы (особенный род четок, употребляемый раскольниками-староверами и вешаемый, вне употребления, или под образами, или по соседству на стенке) указывало, что хозяин церковный, а не часовенный.

— Издалече идете? — спросила меня хозяйка, когда я уселся на лавке.

Я объяснил ей вкратце откуда мы идем, и с какою целью были в горах.

— Нетто, энта, еще мало народу здесь переморили? Ах, батюшка! вот-то горе! — И она жалобно закачала головой, подпертой ладонью. — Да ведь и тут-то земли совсем нетути, как есть ничего; кормиться нечем... а тут еще солдат напихают... охо-хо!..

— Не бойся, хозяйюшка: на вашей земле селить не будем, — ответил я, — в горах поставим, чтобы хакучам сюда ходу не было.

— Ой-ли! Ай, правда? Станичники сказывали, отселева прочь выселят в скорости?

— Ну, этого наверно сказать не берусь; только знаю, что осматривать горные станицы будут, и которые вовсе на хорошее, либо на нездоровое место угодили, может быть и переставят. (Той же весной была составлена комиссия под председательством генерал-майора Г-а, с целью определения причин бедственного положения станиц горной полосы Кубанской Области. Комиссия эта точно принуждена была выселить некоторые неудачно поставленные станицы).

— Эх, пошли-то Господи!..

В это время в избу вошел хозяин, человек лет под сорок, в чекмене, с большой русой бородой и со смысленными серыми глазами.

— Здравствуйте, ваше благородие! — приветствовал он меня с поклоном. — Милости просим... Откелева пожаловали?

Я удовлетворил его любопытство.

— Так энта ваша же партия с гор спускается, вон теперь уже недалеко за околицей?

— Наша.

— Так-с.

Хозяин! умолк, обдумывая, по-видимому, что-то.

— Не найдется ли у вас, хозяйка, кувшина молока? Что будет стоять, заплачу, обратился я к казачке.

Она взглянула недоверчиво сначала на меня, потом на

мужа и затем проворно вышла.

— Что, как вам живется здесь, на новоселье, после Дона Ивановича? Ведь вы, кажется, тут все больше донцы?

— Донцы, все больше, ваше благородие. Есть и прочие; только тех вовсе малость... Ну, а насчет, то есть энта, житься... плохо, и вовсе плохо-с. Да и какая тут, можно сказать, жизнь супротив Дона?.. Где же-с?.. Кажется, ежели бы моя власть, сю-же минуту все бросил, пешком на Дон бы ушел.

— Что же так?

— Да ведь вы, полагаю, энта видели, как ехали, какая земля-то? какие угоды?

— Видел, да разве нет где в стороне лучших?

— Есть точно что маленько получше, только далеко. Сенокосы у кого за девять, у кого за десять верст и дальше; да и то тащи на выюках, а на выюках много ли утащишь... Вот и скотинки, значит, держать не моги, а уже без скотинки какое хозяйство? Опять земля? Какая это земля? Глина одна только. Нешто на Дону такие земли?..

— Но жили же тут горцы и хорошо хозяйничали. Вот мы на каждом шагу аулы погорелые встречали...

— Энта точно-с, ваше благородие. Только у них и скотина-то привычная была, мелкая, да и сажались они по горам станицей, а как где сподручнее, а нас привели да и поставили: на вот — живи и хозяйничай! И скотина наша, и мы к энтому месту и хозяйству непривычны. И все мы переболели, половина что, почитай, вымерла, скотина наша повыходила, а коя-то и уцелела, ту хакучи в прошлом году всю отогнали. Вот тут теперь сиди и хозяйничай! Только и осталось, что свиньи; тех хоть, спасибо, не воруют азиаты. В целой станице только ведь две коровы и остались: у меня, да у станичного писаря.

— Чем же вы запашку делать будете, когда у вас рабочего скота нет?

— А Бог ее знает чем! Надо быть и вовсе пахать не будем. Слава Богу еще, царь провиант отпускает, значит с голоду не пропадем. А земля здесь такая на низах, что хоть и не паши. Азиаты то вот все по горам пашни держали, ну, и говорят, хорошо родило, а мы тут и пробовали на низах — все едино хоть брось!..

— И вы бы по горам пахали.

— Оно бы точно и ничего; почему и не испробовать? Да только теперь чем ее испробуешь, коли с целой станицы плуга не соберешь?

В избу вошла хозяйка с кувшином молока и караваем ржаного хлеба.

— А вот и солдаты, никак, ваши подходят, — сказала она, ставя принесенное на стол, — уже близко.

Сельская трапеза моя была кончена и в то же время слышался топот лошадей. Я расплатился с хозяйкой и вы-

шел к подъехавшему Ф*.

— Что же, батюшка, — заговорил он, — здесь, что ли, станем?

— Навряд, травы кругом почти нет. Кажется лучше будет спуститься ниже. Хозяин! — обратился я к вышедшему за мной казаку — нет ли у вас здесь поблизости лужка, который бы и потоптать не жалко было, да и лошади бы покормились.

— Где его взять, ваше благородие, отвечал казак. — Тут у нас вот корове нашей ущипнуть нечего; сами о-сю пору сеном кормим, что с зимы осталось, да и то издавеча на выюках таскаем, а коней и вовсе дубовыми прутьями. Дальше, вон, к Оренбургской, так там малость лучше; только опять-таки и там плохо.

До Оренбургской было около двенадцати верст, и пройти это расстояние, после сделанного нами большого перехода, было бы слишком накладно. Мы положили пройти Перевальную и стать бивуаком на первом удобном клочке земли. Так и сделали. Выехав за станицу, я послал Пахомова, Гуашева и Натырбова в разные стороны, отыскать местечко с травой, водой и дровами. Гуашев вернулся первый и показал нам, верстах в двух, на правом берегу Пшиша, полянку, покрытую реденькой, невысокой травой, обросшую мелким дубняком и ольшанником. На ней мы и стали.

Во все время нашего похода мы не встречали долины столь бедной растительностью, столь мало пригодной для заселения и между тем так густо усеянной станицами. На пространных десяти верст стояло три станицы: Перевальная, Гойтхская и Оренбургская. Едва мы вышли, так сказать, за околицу Перевальной, как начинался выгон гойтхский, столь же бедный и выболелый, как и первая, и только немногим хуже Оренбургской, тоже очень плохой.

Что ущелье Пшиша было слишком тесно для такого числа жителей, какое там было водворено, это было ясно с первого взгляда, и едва ли эта ошибка могла быть объяснена военными соображениями. Для обороны подгорных станиц этой части края, достаточно было бы поставить одну многолюдную станицу с хорошим выбором населения в окрестностях Гойтхской, поставив в то же время другую на среднем течении Цеце, а третью в Тубе. Тогда все ходы и выходы из лучистого горного лабиринта, составляющего площадь истоков Пшиша, Пшехи и Цеце, могли бы быть легко наблюдаемы, и жители не были бы скучены в негостеприимной и едва ли не самой нездоровой во всей Кубанской Области долине реки Пшиша, как это было теперь же; превосходные местности, в роде котловины Тубы и берегов Цеце, остались незаселенными и свободными для прохода хищнических партий.

Ошибочность существовавшего тогда расположения ста-

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОМ

БЕДЖАНОВ М. М.

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОМ

(К 20-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)

Передать образ современника довольно сложно, особенно если человек, о котором пишешь, не рядовой. Речь пойдет об А. А. Джаримове — первом Президенте Республики Адыгея, депутате Совета Федерации Федерального Собрания России.

В меру своих сил постараюсь показать жизненный путь Аслана Алиевича, его вклад в зарождение и становление новой республики, нового государства. Разносторонне подготовленный, уравновешенный и справедливый, Президент А. А. Джаримов в период исторического перелома и возрождения нашего народа проделал огромную работу.

Его трезвый ум, способность и взвешенность при решении сложных государственных и политических вопросов подкупает каждого, кто с ним встречается. Работал он, как говорится, на износ, обладая удивительной работоспособностью. Насколько он компромиссный, настолько и твердый, и принципиальный, прозорливый и дальновидный. Скоростных сиюминутных, непродуманных решений не принимал, вел точно выверенную политику в своей республике и на Северном Кавказе.

Пока Аслан Алиевич работал президентом РА, я с ним был все десять лет. Иго я видел в разных ситуациях. Легко ли было ему работать в тот исторический период, когда кипели страсти суверенизации в обществе, когда создавалась Республика Адыгея. Время было сложное, время больших свершений, больших перемен.

Из своих личных наблюдений я пришел к заключению, что Аслан Алиевич Джаримов

выдающийся политический, государственный деятель. Он по многим политическим позициям первопроходец. Первый президент Адыгеи. Он им останется навсегда. Стоял у истоков образования Республики Адыгея. Это знаковое событие в его жизни. Инициатор создания первой Конституции Республики.

На изломе истории в любом народе появляются яркие, исторические личности, которые берут на себя ответственность за судьбу своего народа. А если глубже заглянуть в историю адыгейского народа, то для него впервые стало возможным осуществление исторической мечты народа — создание своей республики. И эту историческую мечту народа осуществил А. А. Джаримов со своими соратниками. Тем самым он вписал свое имя золотыми буквами в историю Адыгеи.

Джаримов А. А., победив других претендентов, стал Президентом Республики Адыгея в результате всенародных выборов в январе 1992 года. Родился Аслан Алиевич Джаримов в 1939 году в ауле Егерухай Кошехабльского района в семье крестьянина. Трудовую деятельность начал в колхозе «Путь к коммунизму». После окончания Кубанского сельскохозяйственного института работал агрономом-семеноводом, старшим экономистом Кошехабльского райсельхозуправления. Аспирант кафедры экономики сельского хозяйства Кубанского сельхозинститута. Начальник планово-экономического отдела управления сельского хозяйства Адыгейского облисполкома, заместитель заведующего сельхозотделом Адыгейского обкома партии, директор Ады-

гейской областной государственной сельскохозяйственной опытной станции. В последующие годы занимал должности заведующего сельхозотделом, а затем — секретаря Адыгейского обкома КПСС по сельскому хозяйству. Работал секретарем Краснодарского крайкома КПСС по агропромышленному комплексу. 18 января 1989 года был избран первым секретарем Адыгейского обкома КПСС, а в марте 1990 года — председателем Совета народных депутатов Адыгейской автономной области. С января 1992 года — Президент Республики Адыгея. В 1985 году окончил Академию общественных наук. Был народным депутатом СССР, депутатом Совета Федерации.

Завидный послужной список. Все это и явилось фундаментом большого политического и хозяйственного опыта, источником организаторской работы, школой жизни. Он шел к президентскому пьедесталу трудным, тернистым путем. Но, по словам самого А. А. Джаримова, тяжесть и ответственность, выпавшие на его плечи, не идут ни в какое сравнение с предыдущими делами.

А. А. Джаримов — первый Президент Республики Адыгея. И все он сегодня делает впервые. Идет по непроторенному пути. Но идет уверенно, выбрав несколько приоритетных направлений, работает над их претворением в жизнь. Для преодоления экономического кризиса в республике он считает главным обеспечение политической стабильности.

Важнейшим направлением своей деятельности Президент А. А. Джаримов считает обеспечение межнационального согласия в республике, недопущение поляризации сил по национальному и религиозному признакам, создание условий для проявления свободы совести, как фактора нравственного очищения. Он твердо отстаивает три основополагающих принципа, на которых зиждется его платформа: самоопределение адыгейской нации, гарантирующее сохранение и развитие этноса; исторически сложившаяся общность людей на территории республики и ее многонациональность; вхождение в состав нашего общего дома — России и неразрывную связь с ней.

Самое ценное в Президенте то, что он постоянно работает над созданием равных

условий для поднятия уровня духовной и материальной жизни всех граждан Республики Адыгея независимо от их национальной принадлежности. «Все пароды на земле соседи, — подчеркивает Аслан Алиевич, — вместе мы сильны. Моя республика и Россия — понятия неразрывные».

Аслан Алиевич внес весомый вклад в становление государственности Адыгеи. Три года назад сессия областного Совета народных депутатов под его руководством приняла историческое решение о повышении статуса Адыгейской автономной области до уровня республики, которое явилось результатом естественно-исторического процесса развития межнациональных отношений и государственного строительства Российской Федерации как многонационального федеративного государства. Сегодня абсолютное большинство многонационального народа Адыгеи убеждается в правильности этого решения.

Президент являлся одним из активных участников в подготовке Федеративного договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти республик, который был подписан 31 марта 1992 года, основные положения которого нашли отражение и в новой Конституции Российской Федерации.

Работая над укреплением государственности нашей республики, защищая ее интересы, А. А. Джаримов одновременно выступает за сохранение целостности России. Как представитель Адыгеи, Аслан Алиевич конструктивно участвует в работе различных федеральных органов: является членом Совета глав республик, членом Правительства Российской Федерации, а также Конституционного совещания. Он выступает за скорейшее преодоление политического кризиса, за мирное, цивилизованное разрешение существующих проблем.

Президент отрицательно относится ко всякому насилию, особенно по отношению к личности, предпочитает на практике гуманизм. Он считает, что только гуманизм может стать движущей силой общества, способной его преобразовать. Умело идет на контакт и к диалогу со всеми общественны-

ми организациями. Этот курс обеспечивает общественно-политическую стабильность в республике. Аслан Алиевич вносит большой вклад в формирование добрых отношений, в достижение взаимопонимания между народами, проживающими на всем Северном Кавказе.

С первых же дней грузино-абхазского конфликта он прилагал много усилий для его мирного урегулирования. По его инициативе проходили чрезвычайные совещания руководителей республик, краев и областей Северокавказского региона.

Как активный миротворец Джаримов А. А. удостоен Международной премии «За содействие миру на Кавказе», которую он направил на благотворительные цели, передав ее в республиканскую организацию союза «Чернобыль» и в фонд поддержки Республики Абхазия. Он награжден орденом Дружбы народов.

Сохранению нормальной ситуации в республике во многом способствовало и то, что Президенту, Законодательному Собранию (Хасэ) — Парламенту и Правительству удалось избежать взаимного противостояния, направить совместные усилия на укрепление государственности в республике, создание условий для решения насущных проблем.

Президент уделяет постоянное внимание созданию органов государственной власти и управления, совершенствованию их структуры, формированию нормативной и законодательной базы республики. За короткое время разработано, обсуждено и принято много необходимых законов, регламентирующих деятельность различных сфер жизни республики. Среди них — законы о социальной защите инвалидов, о налоговой системе республики и другие жизненно важные законы.

Под его руководством скрупулезно проводилась работа над Конституцией Республики Адыгея, с принятием которой завершилось юридическое оформление государственности республики.

Как Президент, А. А. Джаримов стремится восстановить утраченные и наладить новые хозяйственные связи. Адыгея является активным участником Ассоциации социально-экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа. Подписаны

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОМ

различные документы и договоры о сотрудничестве с Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкесией, г. Москвой. Аналогичные договоры будут заключены и с другими регионами России и СНГ. Особое значение Президент придаст укреплению традиционно добрососедских отношений с Краснодарским краем, с которым в августе 1992 года был подписан Договор и он продлен в августе 1994 года.

Выход из состава Краснодарского края осуществился под мудрым девизом А.А. Джаримова: «Уходя из края, мы остались вместе. По-прежнему сохраняем неразрывность экономических и культурно-политических связей между Республикой Адыгея и Краснодарским краем. Доверие между нами еще сильнее укрепилось. Краснодар для нас имеет непреходящее значение. Здесь трудятся более 10 тысяч рабочих, инженеров, техников адыгейской национальности, в высших учебных заведениях учатся более 2-х тысяч студентов, более 60 научных работников-адыгов. Кроме всего, и это самое главное, Краснодар имеет историческое значение в жизни нашего народа».

Благодаря усилиям и неоднократным встречам Л.А. Джаримова в Правительстве Российской Федерации, а также с Президентом Российской Федерации Ельциным Б. П., в феврале 1994 года был подписан Указ Президента Российской Федерации «О мерах по государственной поддержке экономического и социального развития Республики Адыгея», реализация которого позволяет осуществлять экономическое и социальное развитие Адыгеи.

Несмотря на то, что становление республики проходит в сложных экономических условиях, Президент уделяет большое внимание развитию культуры, науки, образования. Важными вехами в культурной жизни республики стали создание симфонического оркестра, камерного музыкального театра на базе республиканской филармонии, оркестра русских народных инструментов, а в области образования — преобразование пединститута в государственный университет, что позволит готовить не только педагогов, но и врачей, юристов, экономистов. В 1993 году открыто еще одно высшее учебное заведение в г. Майкопе — технологический институт. Впервые в эфир в 1994 году вышли передачи республиканского телевидения на адыгейском и русском языках.

Аслану Алиевичу ежедневно приходится рассматривать и решать массу сложнейших вопросов, требующих выверенных и правильных решений, и он находит эти решения. В ходе

заседания Правительства не допускает ни одной грубости. Бывают моменты — сильно переживает, но внешне не выражает своих чувств. Не повышает голоса, не унижает других. Когда чувствует, что выступающий повторяется или говорит не по теме, тянется к звонку и очень корректно, но твердо говорит: «Понятно, понятно. Мы это уже проходили. Спасибо».

Он умеет признавать свои ошибки, извиняется перед человеком, когда чувствует, что он был неправ. «О себе говорить трудно, — замечает Аслан Алиевич, — но в человеке я ценю прежде всего честность, человечность, порядочность». Еще заметил интересную черту в его характере: он хочет и стремится быть счастливым и делать других счастливыми. Эта благородная черта делает его уважаемым человеком.

Аслан Алиевич всегда ищет компромисс, обладает даром находить оптимальный вариант. Всегда опирается на разумное большинство, стараясь меньше слушать тех, кто ударяется в крайности. Умеет, как никто другой, терпеливо выслушивать крикливые пустопорожние разговоры. «Пусть выговорится, — замечает он, — ибо невысказанная злоба страшнее. Я против подхода к человеку, как к дереву, как к неодушевленному предмету, которое можно пересадить или срубить под корень. Даже с деревьями так нельзя, тем более с людьми, судьба которых в твоих руках».

Президент подчеркивает, что тот, кто не ценит свои традиции, обычаи, язык и культуру, не любит свой очаг, свою малую Родину, вряд ли по-настоящему оценит традиции, обычаи другого народа.

А. А. Джаримов разносторонний человек. В 1962 году он совершил спортивный взлет — занял пьедестал чемпиона Всероссийских студенческих спортивных игр в г. Казани по борьбе самбо. Молодому спортсмену неизменно сопутствовало спортивное счастье. Спустя два года он становится чемпионом среди сельских спортсменов добровольного общества «Урожай» в г. Тбилиси. После этих удач он становится призером Всесоюзных студенческих игр. «У каждого есть свое хобби. Для меня это спорт. Я до сих пор остаюсь большим поклонником и приверженцем спорта», — говорит Аслан Алиевич.

Аслан Алиевич Джаримов умело влияет на ход политических событий России. Б. Н. Ельцин готовился к выезду в Грузию для заключения военно-политического союза России с Грузией. С этой целью министр иностранных дел А. В. Козырев собрал консультативное совещание, куда были приглашены также Президент Джа-

римов А. А. и руководители северокавказских республик. Когда на совещании разгорелся спор по вопросу о целесообразности выезда Президента Ельцина Б. Н. в Грузию, Аслан Алиевич проявил мудрость и мужество, необходимые в критический момент, и заявил министру: «Куда Вы тащите Президента России? Такой шаг в данный момент не на пользу общественно-политической обстановке на Кавказе. И не будет способствовать стабилизации в регионе».

Как он был прав, с какой прозорливостью и политической точностью тогда определил обстановку вокруг грузино-абхазского конфликта. Ведь договор оказался мертворожденным.

По этому поводу Б. Н. Пастухов, заместитель министра иностранных дел РФ, который присутствовал на этом совещании, сказал: «Аслан Алиевич обладает удивительным дипломатическим чутьем, он может мгновенно прогнозировать обстановку и повернуть ход совещания, направить его в нужную сторону. Это бесценный дар».

На одной из встреч Председатель Верховного Совета Абхазии Ардзинба В. Г. сказал: «Если Джаримов выставит свою кандидатуру на пост Президента Абхазии, то все жители республики с радостью отдадут свои голоса за него. Он у нас пользуется безграничной любовью и популярностью».

Документы наглядно высвечивают миролюбивую и последовательную позицию Адыгеи в мирном урегулировании грузино-абхазского конфликта. Активность нашего руководства проявилась с середины 1992 г. Президент Адыгеи настойчиво убеждал Президента России принять конкретные меры по этой важной проблеме. В адрес Б. Н. Ельцина шли письма, телеграммы, устные (телефонные) обращения. Джаримов настаивал на встрече Президента России с руководителями Грузии и Абхазии до 3 сентября 1992 г. Такая встреча состоялась. Но принятые документы в итоге этой встречи выполнялись слабо.

С учетом ситуации Президент Адыгеи 16 сентября 1992 г. пишет официальное письмо Президенту России. В нем говорится: «С глубокой озабоченностью обращаюсь к Вам в связи с невыполнением положений Итогового документа московской встречи 3 сентября 1992 г. По-прежнему продолжается военное противостояние сторон, гибнут люди, растет поток беженцев из зоны конфликта, не созданы условия для возобновления нормальной деятельности законных органов власти Абхазии в оговоренные сроки. Попытки низложения Верховного Совета и Правительства Абхазии являются ничем иным, как грубым на-

рушением конституционных прав и свобод граждан Абхазии. Все это ведет к дестабилизации общественно-политической обстановки в Северокавказском регионе, в том числе в Республике Адыгея. Учитывая складывающуюся обстановку, как участник московской встречи, предлагаю: не ожидая месячного срока, вновь собраться тем же составом и рассмотреть ход выполнения статей Итогового документа, тем более, что это было оговорено на встрече 3 сентября».

Через две недели (3 октября 1992 года) Президент Адыгеи вновь обращается к Б. Н. Ельцину: «Уважаемый Борис Николаевич! В Абхазии по-прежнему льется кровь, гибнут люди. Не выполняются положения Итогового документа московской встречи. Это вызывает тревогу и озабоченность населения республики. Прошел месяц, нарушается договоренность о новой встрече 3 октября. Это осложняет общественно-политическую ситуацию в нашем регионе. Прошу ускорить новую встречу в том же составе в Москве».

События в Абхазии осложнили общественно-политическую ситуацию в Республике Адыгея. В Майкопе, других населенных пунктах прошли несанкционированные митинги, несколько групп добровольцев из республики находились в зоне конфликта. Часть населения, трудовые коллективы, матери добровольцев проявили озабоченность втягиванием Адыгеи в опасный очаг напряженности, потребовали возвращения добровольцев, осудили призывы к военному участию в конфликте, настаивали лишь на политических методах влияния на урегулирование отношений между Абхазией и Грузией.

Президент, правительство Республики Адыгея предприняли ряд шагов по оказанию политического давления на руководство Грузии, направленного на вывод войск с территории Абхазии, оказали гуманитарную помощь населению Абхазии.

Учитывая сложившуюся обстановку и в соответствии с постановлением Верховного Совета республики «О ситуации в Республике Адыгея в связи с событиями в Абхазии», правительство Республики Адыгея разработало меры с учетом событий в Абхазии. Была продолжена работа по сохранению общественно-политической стабильности в республике, активизации усилий, направленных на политическое урегулирование конфликта. Поддержаны предложения общественных организаций, трудовых коллективов, отдельных граждан о проведении в г. Майкопе общереспубликанского митинга, посвященного обстановке в

республике в связи с событиями в Абхазии.

Понимая чувства солидарности добровольцев к абхазскому народу и выражая тревогу за их судьбу, правительство вместе с тем сочло недопустимым запись и отправку добровольцев в зону конфликта. Министерству юстиции Республики Адыгея было поручено привести деятельность общественного комитета солидарности с народами Абхазии в соответствие с Указом Президента Республики Адыгея № 78 от 15 июня 1992 г. «О порядке регистрации и деятельности общественных объединений в Республике Адыгея».

Были установлены контакты с добровольцами, находившимися в зоне конфликта, велась работа по их возвращению, главам администраций, руководителям правоохранительных органов, общественных и религиозных объединений поручено взвешено проводить работу по стабилизации обстановки, укреплению порядка, провести сходы граждан по разъяснению позиции правительства республики, полнее и оперативнее использовать возможности печати, радио и телевидения, чтобы проинформировать о развитии событий и принимаемых правительством мерах.

Всех интересовали итоги встречи в Москве Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Председателя Госсовета Грузии Э. А. Шеварднадзе, Председателя Верховного Совета Абхазии В. Г. Ардзинбы и руководителей республик Северного Кавказа. По просьбе широкой общественности была организована пресс-конференция Президента Адыгеи А. А. Джаримова. Содержание пресс-конференции, актуальность проблем, рассмотренных на ней, были освещены в прессе и способствовали формированию реалистичного общественного сознания.

Руководство России, Верховный Совет и Президент Адыгеи, руководители других регионов Северного Кавказа делали немало, чтобы грузино-абхазский конфликт был решен только мирным путем.

5-6 мая 1993 г. в Майкопе состоялись российско-абхазские консультации по вопросам урегулирования вооруженного конфликта в Абхазии. Российскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел РФ Б. Н. Пастухов, абхазскую делегацию — заместитель Председателя Верховного Совета С. Р. Джинджолия. Участников консультаций приветствовал Президент Республики Адыгея А. А. Джаримов.

Из книги: Беджанов М. Б. ...

ПО СЕВЕРНОМУ СКЛОНУ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

ниц этой части области обнаружилась очень скоро грабежами хищников в тылу передовых станиц долины Пшиша. Так, прибыв, на четвертый день после выступления с реки Цеце, в станицу Кушинскую, мы узнали, что скот ее, и в том числе 27 строевых лошадей, был отбит несколькими хакучами и угнан в горы, как раз в тот день, как мы тронулись из Тубинской долины к Пшишу. Сакма, замеченная Гуашевым, принадлежала именно этим коням. Хищники, в этом случае, не обратили никакого внимания на близость и густоту станиц перпендикулярна направлению тропинки, идущей от хребта Шесси прямо к Кушинской. Нет сомнения, что если бы станица Тубинская не была в то время уже покинута жителями, и они исправно несли бы сторожевую службу, как несли ее в старые годы молодцеватые линейцы, то ничтожная шайка байгушей (нищих, обворывшей) и не подумала покуситься на такую дерзкую штуку. (Двенадцать станиц горной полосы Кубанской области, и в том числе все почти станицы верхней долины Пшиша до Елисаветпольской включительно, были упразднены в 1867 г.; станица же Тубинская упразднена еще в 1865 г., по причине будто бы нездоровой местности и протекавшей оттого огромной болезненности и смертности. На самом деле, болезненность вызвана была совсем иными причинами: во всех, плохим составом населения ее, большей частью лентяев и праздношатающихся, а во 2-х удалением провиантского магазина, при не существовавших путях сообщения. В дождливое время, для того чтобы привезти выюк муки из Прусской станицы, приходилось употребить три или четыре дня; мука дорогой подмокала от сырости и портилась, и жители ели нездоровый гнилой хлеб. Лошади, от трудностей дороги и от постоянного похода к магазину и назад, а отчасти и от недостатка кормов и непривычки к горным травам, подвергались падежам, и тогда жители должны были за провиантом ходить сами, с мешком на спине, и, вечно голодные, промокшие и изнуренные, делались легкой добычей лихорадки и тифа, хотя местность станицы Тубинской может быть названа скорее удобной и здоровой, чем многие другие, где жители не жалуются на свою судьбу. В военнопольническом же отношении, водворение станицы в Тубинской котловине было в то время существенной необходимостью, как то и доказали, по упразднении ее, постоянные грабежи в наших предгорных станицах).

Военная колонизация западного Кавказа получила особенно сильное развитие и применение по окончательному покорении левого фланга, завершившемся пленом Шамиля. Успех этот развязал руки Кавказской армии и дал возможность увеличить число и силу отдельных

отрядов, действовавших против горских обществ и племен западного Кавказа, имевших, впрочем, очень мало общих интересов с Шамилем и его казаватом (война с неверными). По мысли, завещанной еще покойным генералом Вельяминовым, блистательно осуществленной генерал-фельдмаршалом князем Барятинским и графом Н. И. Евдокимовым, способ завоевания западного Кавказа состоял в постепенном занятии отрядами речных долин и в немедленном водворении в них вооруженного населения. Привыкшие применять выбор мест под казачьи станицы только к требованиям войны, наши отрядные начальники, вслед за выселением остатков горцев в Турцию, не сумели колонизовать оставленный край, применяясь к условиям чисто экономическим: к тому же и напряженное ожидание войны с западными государствами, в виду польских волнений, мятежа 1863-1864 гг., и дипломатического похода, вынудили кавказское начальство обеспечить за собою de facto обладание западным Кавказом, бросив туда сколько-нибудь вооруженного населения, заинтересованного в защите его, как в защите собственного очага. В такое горячее время, конечно, некогда было заниматься подробным исследованием санитарных условий края, его флоры и фауны. Если в чем, пожалуй, можно упрекнуть местную администрацию того времени, то, разве, в чрезвычайно неудачной примеси к казачьему элементу, и без того давным-давно утратившему свои колонизаторские способности, охотников из николаевских, херсонских и одесских мешчан, людей, необеспеченных в средствах к существованию (особенно в прибрежной полосе западного Кавказа, или на южном склоне). Это значило, вливать вино старое в мехи новые, и результат не замедлил обнаружиться. При всех заботах правительства и при огромных издержках и льготах, станицы, где этот бесталаный народ составлял значительную цифру, оказались самими плохими по хозяйству и, обогатив быстро открывшиеся по станицам в большом числе кабаки, сами нищенствовали, мерли как мухи (средний процент смертности в двенадцати переселенных впоследствии станицах был, в течении двух лет 30%, в четырех из них более 33%, а в одной 53,25%) и вынудили начальство на упразднение многих станиц, которые, попадись туда население трезвое и трудолюбивое, могли бы процветать. Но и на подобный упрек нельзя не повторить давно всем известной истины, что только тот никогда не ошибается, кто ничего не делает.

На другой день мы отправили команду к станице Оренбургской, а сами поехали осматривать гойтхский перевал, чтобы выбрать на нем, или поблизости, место для роты. На этот пункт, как я уже сказал, мне было приказано обра-

тить особенное внимание и обеспечить его близостью военного поселка.

Погода стояла отличная, и мы скоро, обогнав команду, прибыли в станицу Гойтхскую, откуда до Гойтхского укрепления оставалось не более шести или семи верст.

Станица Гойтхская оказалась такой же малолюдной и бедной, как и Перевальная: ни ребятишек перед избами, ни следов достатка и домовитости. Изредка встречавшиеся физиономии обывателей, с отеками щеками, желтым цветом лица и безжизненным выражением в глазах, красноречивее всего говорили о бедственном их состоянии. Окрустности Гойтхской смотрели также неприветливо: голые горы сыпучих шиферных пород, поросшие корявым дубняком, да крохотные лужайки с редкой и короткой бледно-зеленой травой — вот и все. Кругом ни борозды плуга, ни следа какого бы то ни было хозяйства. Я не считал нужным останавливаться в станице и расспрашивать жителей об успехах или о неудаче их хозяйства: состояние его было, очевидно, как и полная невозможность выбирать, по соседству с ней, место для роты. Мы проехали безостановочно до Гойтхского укрепления, лежавшего версты четыре дальше. Было часов одиннадцать дня, когда мы приблизились к какой-то казарме, выстроенной из турлука (турлуким строением в Кубанской области называют строения плетневые, обмазанные глиной; иногда плетень ведут двойной и промежутки набивают землей и глиной, строения подобные очень сыры, а потому нездоровы), обнесенной валом, наполовину осыпавшимся. Здесь помещалась казачья сотня, отделявшая команды на посты туапсинской кордонной линии. Внутри укрепления, рядом с казармой, торчала неизменная вышка. Мы вошли в казарму, чтобы расспросить об окрестных угодьях. При входе нас встретил урядник-линеец и проворно отпартовал, доложив тут же, что сотенный болен, лежит и извиняется.

— Что же у него... тово... такое, — спросил заботливо Гий, не лихорадка ли?

— Так точно-с, лихорадка; другую неделю лежит-с.

— Надобно... тово... навестить, — пробормотал Егор Петрович, — я, тово, пойду...

— А команда тоже болеет? — спросил я.

— Болеет, и... и!.. страсть как болеет! Теперь нас всего семнадцать человек на ногах осталось. Другие как свалились, так и лежат, не поднимаются; не знаю, живы ли будут?..

Я вошел вслед за доктором в помещение сотенного. Оно находилось в той же казарме, только имело особый ход. Мы нашли больного только что очнувшимся от сильнейшего пароксизма. Он сделал видимое усилие приподняться с постели, но доктор удержал его. Мы объяснили ему цель

нашего путешествия, прибавив, что только надежда быть ему полезным побудила доктора беспокоить его.

Он с благодарностью пожал ему руку.

— Что, как вам теперь... тово?.. — бормотал Егор Петрович, поймав больного за пульс и с участием всматриваясь в его измученное лицо... — тово... чем вы лечитесь?

— Чай пью... хину принимал прежде... теперь вся вышла. Послал вчера в Вельяминовскую (Туапсе)... новой еще не привезли... нет. Да что!.. и хина уже не берет...

Егор Петрович полез в карман и вынул оттуда запас хины...

— Вот, тово, и хина есть... примите; теперь, тово, пароксизм прошел, подействует... — И он взял со стола стакан недопитого чая, а другой рукой подал больному развернутый порошок. Больной с жадностью проглотил лекарство.

— А, вот, тово, — ласковым, дребезжащим голосом затараторил снова Гий, — вот вам и запаса: еще дюжина, тово, порошков... Принимайте перед тем, как у вас лихорадка начинается, тово...

Приняв порошок, сотенный начальник немножко ожил и сообщил мне, между прочим, что кругом, до самой станицы Елисаветпольской, тоже очень бедной, за недостатком угодий, нет никакой возможности водворить не только роту, но и взвод; что за Елисаветпольской, версты две вниз по Пшишу, есть небольшая поляна, подверженная разливу Пшиша и его левого притока Псижи-пси, между которыми она лежит, но что ее только и хватит, чтобы поставить строения для людей; мест же для выгонов, огородов, пахатей, а также лесу и лугов нет и признаков на далеком расстоянии кругом, и что вдобавок во всех соседних станицах свирепствует постоянная климатическая лихорадка, уже уменьшившая население их почти наполовину...

Миновав станицу Елисаветпольскую, ничуть не лучшую своих верхних по реке соседок, мы взяли немного влево, и, проехав еще с версту узкою тропинкой, взобрались на небольшой сыпучий бугор, покрытый дубняком. Перед нами открылась небольшая долина, при слиянии двух ручьев, впадающих в Пшиш...

Осмотр поляны убедил нас в полной невозможности поселить там, кого бы то ни было. Это был клочок земли, затопляемый каждым половодьем соседних рек, и потому, несмотря на очевидную скудость почвы, постоянно зеленый. Обилие папоротника и лопуха, явные признаки постоянной сырости и лихорадочности места, заставили нас окончательно отказаться от мысли ставить роту вблизи Гойтха. Мы скоро возвратились к Ф* и направились в Оренбургскую, близ которой назначили бивуак нашей команде.

Солнце сильно припекало, когда мы проезжали станицу Оренбургскую. Нам захоте-

лось пить и мы попробовали спросить у жителей молока, но его в целой станице не нашлось ни стакана. «Тут не токма што молока, а и хлеба не добудете», отвечали нам, а одна, дряблая в виду, но козыристая на словах старуха дала нам практически совет подоить воробья, потому мол, что у них де в станице, в эком сладком месте, ни одной коровенки не имеется.

Совет старухи крепко рассмешил нас с Н-м, но Ф* окрысился на нее и даже погрозил нагайкой.

— Ладно, пузатый!.. небось сала-то спустил бы, кабы тебя на годок к нам, в Лембургскую-то! — отбреднувшись старуха, прячась в двери своей хаты.

Отыскав затем какого-то казачонка, указавшего нам дорогу, по которой прошла команда наша, мы прибавили рыси и через час или полтора, миновав станицу Гунайскую, нашли команду занятой разбивкой лагеря верстах в двух или трех за этой последней станицей...

На другой день мы выступили до рассвета, чтобы успеть сделать два перехода: один, утром, до Самурской, другой, после обеда, на Мезмай, откуда до Хамышкова, по прямому пути, оставался только один небольшой переход.

Дорога от Гунайской (на реке Сеже) до Кушинской, оказалась довольно хорошей. Мы двигались по ней почти безостановочно, и только перевал из реки Сеже в реку Куши был размыт дождями и потребовал небольших исправлений.

Долины Сеже и Куши несравненно лучше и приветливее долины Пшиша и его верховых притоков. Растительность здесь сильнее; встречаются обработанные поля и посевы. Тем не менее, и жители Кушинской жаловались на свое горькое житье, на падежи скота, неурожай и грабежи горцев.

— Дня три тому назад, — говорил нам старый казак, — три хакуча угнали весь наш табун строевых лошадей. Пастухи, видите, заснули, а они, проклятые, и выскочили из кустов. Да добро бы ночью, а то чуть не в обед; срам, одно слово!

— Что же не отбили назад? разве не было погони?

— Где тут отбить али нагнать! Дали знать в Самурскую; отседова посылали команду, ничего не нашли. Только и видели сакму, что от коней осталась — пошла в Тубу. Теперь шабаш, добавил он, выразительно разведя руками: ни слушать, ни хлеб работать!..

Пожалев о его горькой доле и о небрежности пастухов, навлекших такую беду, мы отправились дальше. Не доходя станицы Самурской, мы сделали двухчасовой привал и, часам к пяти вечера, переправились через Куржипс, несколько выше Нижегородской. Здесь отделялась вправо старая наша дорога на Мезмай. Кроме ее Н-в и Гуашев знали еще другую дорогу к Мезмаю, гораздо

ПО СЕВЕРНОМУ СКЛОНУ ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА

короче, и уверяли, что его можно к ночи прибыть к старому нашему бивуаку...

Мы направились к Мезмаю. Пока я толковал с Ф*, Гуашев исчез. Оказалось, что он поехал навстречу моему выюку, в полной уверенности, что мы ночуем близ Куржипса. Мы хватились его только полчасу спустя, что и заставило меня послать за ним Натырбова и ехать очень тихо. Ночи в ту пору были безлунные, и меня брало искушение вернуться назад; но, спросив Н-ва: уверен ли он, что не собьется ночью с дороги, я получил опять утвердительный ответ и остался при прежнем намерении. В сумерки, едучи густым чинаровым лесом, мы услышали за собою частый конский топот. Это был Натырбов. Он привез известие, что нашел и Гуашева, и Пахомова, и передал им мое приказание, но что они не могут нас догнать скоро, потому что, рассчитывая на ночлег, разобрали выюк, который опять должны навьючить, и что Гуашев взялся непременно провести выюк и сам явиться на Мезмай, хотя бы ночью. Мы прибавили аллюру, насколько позволяла ширина лесной дорожки, и к вечеру выехали на широкую, зеленую прогалину с легким склоном к подошве возвышенности Гуама, отделяющей Мезмай от другого при-

тока Куржипса — реки Хокдзъ. Вечера в горах всегда коротки; не успели мы спуститься к подошве гор, как стало совсем темно. Чтоб оставить за собою какой-нибудь след, по которому бы едущие сзади могли ориентироваться, я послал Натырбова разложить большой огонь при выезде из леса, а сам с Н-м принялся за раскладку такого же внизу. Предосторожность эта была совсем не лишней, так как отсюда вели несколько дорог в разные стороны. Между тем темнота сделалась непроглядная, и мы, чтобы не очутиться где-нибудь в тущобе, пошли пешком, ведя лошадей в поводу. Соображая расстояние со скоростью нашей езды, до мостов оставалось не более двух, трех верст; но мы не сразу могли их найти и проблуждали более часу, отыскивая к ним спуск. Наконец, благодаря замечательному знанию Н-вым местности и его зорким глазам, мы их нашли и перебрались на левый берег Мезмая. Становилось свежо. Мы разложили огонек и, завернувшись в бурки и стреножив лошадей, прилегли вокруг него, в ожидании выюка.

Мне никогда, до той поры, не приходилось проводить ночи в такой оригинальной декоративной обстановке, и — признаюсь — несмотря на сожаление о

выюке, заключавшем в недрах своих драгоценную способность напоить нас чаем, не смотря на свежесть ночи, заставившую нас поворачиваться к огню то одним боком то другим, в темных очерках высоких гор, в непроглядном мраке долины, в шелесте векового леса и в бойком журчании горной реки было так много глубокой гармонии, столько свежести и величия, что я невольно замечтался, любуясь на искрившиеся в потемневшем небе яркие звезды.

— О чем задумался? — обратился ко мне Н-в, слегка удивив по плечу.

— Засмотрелся на небо, да и замечтался немножко, — отвечал я, очнувшись...

— Тсс!.. — прошептал в это время Натырбов, схватив меня за руку и прислушиваясь.

Мы начали прислушиваться, но ничего не слыхали.

— О! — шепнул опять через минуту горец, указав пальцем по тому направлению откуда мы прибыли, и в ту же минуту передав Н-ву поводья своей лошади, выхватил кинжал и бросился в кусты. Послышались два сильных удара по сучьям, и вслед затем он снова вынырнул из темноты, держа в руках две небольшие жерди, которые он в ту же минуту воткнул в землю пе-

ред огнем и растянул на них бурку. Я понял тогда цель этих маневров: он подозревал в том направлении чье-то соседство и, не зная еще с кем придется иметь дело, хотел уберечь нас от выстрела на огонек. (Черкесы, во время кавказской войны, тревожили наши войска не только днем, но и ночью на бивуаке. Проползая сквозь цепь и обходя секреты, одиночные горцы приближались на расстояние выстрела к огням, около которых ночью всегда толпятся люди, и, оставаясь в тени, стреляли тогда очень метко в ярко освещенных людей. Таким образом убито много отличных офицеров).

Не прошло минуты, как явственно послышался на высоте крик филина — обыкновенный условный знак горцев и наших пластун.

Мы продолжали прислушиваться. Натырбов проворно выхватил винтовку из чехла.

Крик повторился трижды, несколько ближе. Я был уверен, что это наши люди, но Натырбов был другого мнения, а недавнее происшествие в Кушинской станице положительно доказывало возможность соседства хакучей и принуждало нас быть осторожными. Минуты три провели мы в молчании; наконец это вслушивание мне надоело, и я крикнул во всю глотку: «Ау! Пахо-

мов, Ау!»

— Ау! здесь! — послышалось уже не вдалеке.

— Бывай, живей!..

— Через речку не потрафим, сплутали!..

Я послал Натырбова к ним навстречу, и через четверть часа люди и выюк были уже около нас, чайник приветливо шумел на огоньке. Совиный крик был делом моего линейца, бывавшего не раз в пластунах и доведшего это искусство до замечательного совершенства. Но еще замечательнее было искусство, с каким Гуашев провел его, в непроглядную ночь, через густой темный лес, по тропинке, с которой легко было сбиться и днем неопытному человеку, и вывел его как раз к разложенному Натырбовым еще дымившемуся костру. Отсюда они подали голос, и чуткое ухо Натырбова слышало его изда-лека.

Проведя на Мезмае ночь, хоть и не совсем комфортабельно, но покойно, мы на другой день, с рассветом, отправились по той же аробной дороге, по которой в первый раз пришли на Мезмай, и, оставив вправо дзыхский перевал, к часам девяти утра спустились в Хамышейскую долину...

Публикуется по: Орехов И. По северному склону Западного Кавказа. (Из путевых заметок) // Военный сборник. 1870. № 10. С. 299-344.

Орехов И. П.
По южному склону Западного Кавказа.
(Из путевых заметок).

III.
Пост Адлер или Св. Духа. Знакомство с И-м. Урочище Амхитыр. Дождь и невозможность идти вверх по Мзымте. Р. Кудепста. Урочища Псаго и Квахо. Подъем на хребет Ахцу-Алек. Поляны Убых, Медовое и урочище Цвижипси. Невозможность пробраться и этим путем на урочище Кбаада. Движение к р. Соче по хребту Ац. Спуск к р. Соче и несчастье с солдатским котелком. Бесплатный концерт лесной музыки. Прибытие к стоянке рот на р. Соче. Переезд в пост Даховский.

В ясное свежее утро, мы с Ж-им, сопровождаемые небольшой командой стрелков, возвращавшихся с поста Даховского к своей роте, и несколькими выюками, отправились в Адлер. Благодаря хорошей погоде и отсутствию прибоа, мы проехали тридцативерстное расстояние до поста Св. Духа (он же и Адлер) без хлопот и довольно скоро. Дорога все время тянулась берегом, по влажному от недавних морских заплесков круглякам. Разнообразия на этой ее части мало, и, как ни хороши крутые осыпи и громадные отвесные скалы, нависшие над морем, увенчанные яркой листвой высоких деревьев, но повторение одних и тех же красот утомля-

ет: глаз ищет между резкими грандиозными контурами чего-то мягкого, знакомого, чему можно бы было перестать удивляться, на чем бы можно было отдохнуть.

Почти на половине дороги между Даховским и Адлером, на невысокой террасе, нависшей над морем, стоят несколько высоких стройных сосен. Далеко виднеются они, резко отличаясь своим траурным цветом от веселой зелени ореховых и других плодовых деревьев, их окружающих. Кто посадил эту одинокую группу на почве им чуждой, далеко от родных снегов и зимних выюг?... Стройно, высоко выросли гости севера и невольно заставляют задумываться над богатством прихотливой природы черноморского побережья Кавказа и над его будущим (увы! еще очень далеким) экономическим развитием...

Часа три двигались мы по тропе гуськом, переходя с одного горного уступа на другой, минуя крутые овраги и свежие дождевые промоины; наконец влево от нас показалось широкое плато правого берега Кудепсты. Я показал его И-ву.

— Это и есть самая Кваха, сказал он. Вот переправимся через речку, так и подъем на нее пойдет.

Спуск к реке, в этом месте, был очень крут и попорчен недавним дождем. Подъем был

несколько лучше, но все таки не из удобных. Мы прошли, однако, и тот и другой без особенных неприятностей и выбрались на плоский отрог хребта Ахцу, безлесный и только местами поросший группами высоких прямых ольх. Случайно подъехав к одной из них, я заметил, что каждое дерево обвито до самого верха толстой лозой, сплошь увешенной кистями винограда. Находка эта удивила меня и я указал ее моему спутнику. И-в объяснил, что подобные рожицы встречаются на южном склоне очень часто, и суть не что иное как фруктовые сады живших здесь горцев. Виноград оказался очень крупный и отличного вкуса. Кроме того, в рожице между ольхами нашлось много яблонь, груш, слив и других фруктовых деревьев. Мы сделали здесь короткий привал, чтобы дать время втянуться на плато выюкам, и я воспользовался им, чтобы поближе рассмотреть урочище и оригинальные сады горские. Местность носила следы недавнего жилья. Кое-где торчали колья бывшей огорожи, заросшие ежевикой, крапивой и колючим кустарником чрезвычайно густым, и цепким, прозванным солдатами держидеревом. Саклей не было, но большие черные пятна обожженной земли ясно говорили об

участи их постигшей. Высота следов жилья над рекой и крутизна спуска к ней заставляли думать, что горцы добывали воду где-нибудь поближе. Я отправил несколько человек поискать родников, но они ничего не нашли. Вероятно, горцы, уходя, их заколотили. Тут же я увидел несколько великолепных черешневых и ореховых деревьев, частью срубленных, частью ободраных у корня, и припомнил рассказ Кушакова о нарочной порче горцами своих садов и посевов, перед выселением в Турцию.

От урочища Квахо тропинка пошла к подъему на хребет Ахцу, извиваясь змеей около оврагов, которыми щедро изрезаны его южные отроги. Сначала подъем был отлогий, дорожка пролегала через густые фруктовые леса и зеленые поляны. Путь этот, вероятно, служил у горцев одним из главнейших сообщений, потому что и заросший ползучими растениями он был еще довольно широк и удобен для выюков. Пройдя в тот день до небольшой седловины одного из отрогов Ахцу, покрытой мягкой травой, мы стали на ночлег. Местность была живописная. С одной стороны хребта текли ручьи, дающие начало реке Хосте, а с другой один из притоков р. Кудепсты. Отсюда видны были части долин обеих рек, и откры-

вался великолепный вид на далекое, лазурное море. Площадка, где мы разбили наш бивуак, покрыта была свежей травой (в половине ноября); фруктовые деревья, выросшие по ее краям, были свежи и зелены как летом. Завидный край, завидная природа! думалось мне.... Не даром же обладание всем этим стоило столько усилий, столько кро-ви!...

Остаток дня и ночь мы провели с таким комфортом, как будто не рекогносцировку делали, а на пикник приехали куда-нибудь в Сокольники, или в Марьино Рошу: ковер на траве с самоваром и чайными принадлежностями; костры кругом, песенники, и, к довершению удовольствия, суровая красота темных гор и прелесть свежей, яркой, южной ночи.... Тихо плыл по небу месяц, укутываясь по временам легкой дымкой набежавшего облачка. Звонко отражало эхо не хитрую, но задумчивую солдатскую песню и задумчиво издали глядели кавказские великаны, одетые в снежные ризы. Иные песни слышали они еще так недавно!...

На другой день нам надобно было сделать усиленный переход, чтобы успеть засветло переселиться через Ахцу и пройти крутой спуск к поляне Убых; иначе пришлось бы ночевать на хребте, где не всегда можно найти воду и подножный корм. Мы

ПО ЮЖНОМУ СКЛОНУ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

условились с И-м подняться до рассвета, а для того чтобы не сбиться в темноте с дороги, И-в послал еще с вечера несколько расторопных стрелков вперед, осмотреть тропинку. Стрелки скоро вернулись и донесли, что крутой подъем начинается верстах в двух от нашего бивуака.

Я проснулся от шума и возни около нашей палатки. Рассветало. И-в был уже на ногах и хлопотал о выступлении. Пока выючили лошадей, мы наскоро напились чаю и выехали вперед.

Через полчаса достигли крутого и довольно высокого подъема на один из отрогов Ахцу, которым начиналось восхождение на самый хребет. Подождав здесь отставших людей наших и выюки, мы прошли еще верст шесть, то подымаясь, то спускаясь через горы и овраги, пока не приблизились к густому чинаровому лесу, сплошь покрывающему Ахцу.

Хребет этот не превосходит высотой 5,000 футов, но отсутствие дорог делает его в этой части очень труднодоступным. В западной части своей он понижается, потом снова достигаешь большой высоты и, под именем Алека, идет опять, постепенно понижаясь, до среднего течения реки Сочи.

Ахцу, в том месте где мы его переходили, состоит из трех высоких, крутых и лесистых уступов, изрезанных оврагами. Самый крутой из них, средний, усеян скатившимися с вершины каменными глыбами и плитами, на которых наши лошади часто скользили и падали. Чтобы не скатиться в кручу, я слез с коня и вел его в поводу. Для поддержки выюков в опасных местах назначения были по два солдата на каждую лошадь. Только И-в продолжал сидеть на своей крошечной лошаденке, по-видимому, не обращая внимания на опасность, какой он подвергался, при малейшей ее неосторожности.

— Мой конь сам хакуч, говорил он, в ответ на совет мой идти лучше пешком: он в этих местах как у себя дома. Ведь я его хлебом кормлю: надобно же чтобы он свою службу исполнял.

И крошка-конь, точно, нес свою службу превосходно. Там, где и человек с трудом, почти на четвереньках, вскарабкивался на крутизну, он пробирался проворно и осторожно, как кошка. Позже мне удалось видеть еще один образец этой породы горских лошадей, тоже добытый от хакучей, и опять я удивлялся их неумоимости и искусству везти седока по таким местам, где могут пробираться разве только дикие козы. Подвигались мы таким образом целый день, без отдыха, останавливаясь иногда лишь затем, чтобы оттащить в сторону упавшее поперек дороги дерево, или обойти торчащую из горы скалу. Покрытая упавшим листом тропинка часто исчезала, и надобен был опытный глаз И-ва, чтобы отыскать ее снова. Сумерки застали нас, измученными усталостью, на гребне Ахцу; но надобно было пройти еще несколько часов, чтобы добраться до воды и подножного корма. Всем нам хотелось пить, но воды у нас не было: мы не запаслись ею на ночлег...

Попутру мы без труда выбрались вновь на гребень и, пройдя им с полчаса, начали спуск к реке Кеш (приток Мзымты), на которой лежит поляна Убых. Тропинка шла лесом. Ночью был

морозец, покрывший заваленную сухим листом почву серебристым налетом. Спуск с Ахцу был так же крут и длинен, как и подъем, и надлежало делать постоянно повороты то в ту, то в другую сторону, обходя поваленные деревья и выбирая отлогие места. Часам к десяти достигли мы реки Кеш, перешли ее в брод и взобрались по дорожке, устроенной, вероятно, еще горцами, на низкую длинную террасу, покрытую высокой, сухой травой и кустарником. На краю ее виднелся большой аул, в котором русские, должно быть, не бывали в прежние походы, потому что он стоял цел и невредим, как будто вчера только оставленный жителями.

Отсюда дорога шла через соседнюю Медовеевскую поляну до речки Цвижипси, по ту сторону которой лежит урочище того же имени. Расстояние от поляны Убых до Цвижипси не больше семи верст.

Чтобы иметь время хорошенько осмотреть оба эти урочища, мы сделали команду привал в ауле и, взяв с собой пять стрелков, поехали к Цвижипси с тем, чтобы выждать там остальных людей нашей команды, получившей приказание выступить вслед за нами часа через два и в тот же день пройти на Кбааду, до которой, по словам И-го, оставалось около двадцати верст. Многие из солдат ходили уже прежде с И-м этой дорогой, и потому оставленные нами в ауле люди не нуждались в проводниках.

Дорога на поляну Медовеевскую шла по склону пологого хребта, разделяющего реки Кеш и Цвижипси. Растительность здесь встречалась несколько иная. Вместо ягодных кустов, ежевики и колючки, попадались орешники; между деревьями виднелись дуб и клен. Несмотря на солнечный день, было свежо; заметно было, что мы находились на довольно большой высоте. Мы скоро выбрались на высоты левого берега реки Кеш, и перед нами открылась узкая изрезанная оврагами прогалина, сплошь заросшая лопухом и папоротником. Особенно много было последнего, и он был местами так высок, что совершенно скрывал нас. Место это и было Медовеевской поляной. Мне оно совсем не понравилось уже потому, что папоротник и лопух указывали на сырость почвы, и, следовательно, на неизбежные лихорадки.

Тропа шла все время волнистой папоротниковой поляной и вывела нас, наконец, к р. Цвижипси, текущей здесь в отлогих берегах. На другом берегу реки виднелась широкая возвышенная плоскость, из середины которой подымались две конусообразные вершины.

— Вот вам и урочище Цвижипси! обратился ко мне И-в, когда мы подъехали к берегу. Только вряд ли переправимся, река на прибыли...

— Отчего это она так вздулась? спросил я И-ва, кажется, дождя не было более суток...

— За то снег, выше, в горах выпал. Вот взгляните — и он показал по направлению на северо-восток, где вдалеке белелись верхушки гор. — Иной раз морозом схватит снег в горах — реки и не на прибыли, а потеплеет, так хуже чем от дождя разольются. На Кбааду, раньше трех дней, теперь и думать нечего добраться, а не спадет Цвижипси, так и вовсе не попадем.

Провианта у нас оставалось всего на шесть дней, и ожидать убыли воды с таким небольшим запасом было невозможно; надобно было отказаться от попытки увидеть Кбааду. Решились возвратиться на поляну Убых, переночевать там и на другой день идти к р. Сочи.

Пустив рысю наших лошадей, мы скоро присоединились к команде, приготовившейся идти вслед за нами на Цвижипси.

Известие о ночлеге на Убыхской поляне пришлось, кажется, по сердцу солдатам, уже успевшим пошарить в ауле и нагрудившимся на дорогу, бог знает для чего, совершенно ненужным хламом. У кого торчало на спине что-то вроде корыта; у другого кадушка какая-то; третий подвязал к поясу довольно увесистый чугунный котелок: словом, все запаслись кое-чем. Разместив людей по скалиям, мы и сами расположились в одной из них, состоявшей из двух комнат: одной просторной, с лавками у стен и с очагом, бывшей, вероятно, кунацкой или гостиной какого-нибудь узденя; другой поменьше, с тахтой и привешенными к потолку полками, имевшей, кажется, назначение спальни.

В кунацкой, под лавками, стояло несколько совсем новых, крашенных сундуков, окованных железом и обитых медными гвоздиками. Видно было, что прежний жилец здесь был человек достаточный. Кровля нашей и большинства прочих саклей была тесовая, низко спущенная к земле, так что оставляла снаружи проход, закрытый от дождя. Вместо окон были четырехугольные отверстия, закрывавшиеся ставнями. Стены сакли плетеные, смазанные глиной.

Как ни незатейливо было помещение наше, но, после нескольких ночей проведенных в палатке, приятно было, ложась спать, быть уверенным, что не проснешься в луже. К тому же становилось холодно, а в сакле все-таки теплее, чем в палатке.

Остаток дня прошел, по обыкновению, в толках о поселении рот и в распросе И-ва, указаниями которого я проверял бывшую со мной карту и пополнял мои путевые заметки.

Мы поднялись рано утром и, двигаясь по направлению к западу, часам к десяти взобрались на узкий крутой хребет Ац, составляющий один из второстепенных отрогов высокой горной цепи, которая отделяется к югу от горы Фишт. Хребет имеет направление почти прямолинейное и отделяет ручьи, текущие в Сочи с хребта Ахцу-Алека, от ручьев и притоков, катящихся в эту реку с горы Тегош, крайней южной точки цепи, идущей от горы Фишта.

Тропа пролегала далее все по гребню хребта, местами до того узкого, что, даже идя гуськом, надобно было остерегаться, чтобы не свалиться в ту или другую сторону. Оба ската этого хребта густо покрыты высоким стройным лесом, из красного кавказского дерева (негной или цареградская сосна), каштана, чинара, ясени, липы и фруктовых деревьев.

До самого спуска к Сочи, по дороге не было ни больших, подъемов, ни спусков, так что этот переход, довольно длинный, был нами пройден без особенного утомления. Часа в три полудни мы подошли к спуску

в долину Сочи.

Если бы кому-нибудь из чистотелей довелось видеть этот спуск, то он счел бы его совершенно непроходимым, по крайней мере, для лошадей. Это была не что иное как лестница, составленная из огромных каменных ступеней, неправильно прилепленных к отвесной скале, высотой не менее 800 футов. Главное затруднение было в проводе по такому спуску выюков. Тропинка была так узка и извилиста, что пустить по ней лошадей, не поддерживая их людьми, не было никакой возможности.

Осмотрев ее с И-м, мы приказали, развьючив лошадей, снести сначала тяжести на руках, а потом спустить лошадей по одной, поддерживая их людьми за веревки...

Переноска выюков окончена была скоро и без приключений, но едва только начали спускаться лошадей, как что-то тяжелое рухнуло вниз и затем послышался дребезжащий звук металлической вещи, прыгающей по камням. Мы с И-вым стояли на одной из выдавшихся над обрывом ступеней и видели как кто-то из солдат полетел в пропасть. Павел Дементьевич слегка поблел и выронил из зубов трубку. Он проворно перевернулся над кручей и потом радостно произнес: ну, слава богу! Уцелел! Вслед за тем из за каменной показалась сердитая и несколько испуганная физиономия солдата.

— Экой грех! чуть ружья не обронил! ворчал он. Ну дорога сибирная....

Оказалось, что, упав в кручу, солдат пролетел сажени две, и увяз между ветвями дерева, выросшего горизонтально в расщелине горы. Ружье и фуражка повисли там же, и только котелок, взятый им в ауле, был потерян...

Спуск лошадей задержал нас больше часу. Только конь И-го спустился без помощи людей, прыгая как коза, с уступа на уступ, ощупывая ногой и обнюхивая камни, казавшиеся ему сомнительными. Часам к четырем спустились мы вниз и, перейдя в брод Сочи, двинулись правым ее берегом. Здесь тропинка лепилась карнизом, высоко над рекой. Вправо, еще выше, видно было несколько площадок, заросших колючкой и густым бурьяном. Уцелевшие местами плетни, стебли кукурузы и столбы красного негной* указывали на бывший здесь аул. [*Горцы свои хлебные амбары утверждали обыкновенно на столбах негной, потому что дерево это в земле долгие другие сопротивляется гниению, не смотря на влажность почвы и климата].

Миновав его следы, мы выбрались на небольшой плоский холм, между Сочей и правым ее притоком, р. Ажек, засаженный фруктовыми и ореховыми деревьями. Здесь мы остановились на ночлег. Пока разбивали палатку нашу, я пошел поискать фруктов и нашел группу грушевых деревьев, гнувшихся под тяжестью плодов. Земля кругом тоже была завалена ими и изрыта дикими свиньями. Груши оказались, впрочем, маленькими и жесткими. Ко мне скоро присоединились несколько солдат наших, собиравших дрова для костров. Они набрали большой запас груш и откопали возле сожженной сакли ключ отличной воды. Видно было, что ключ тоже был забит горцами, но не

достаточно хорошо, чтобы укрыться от наметанного на такие поиски глаза кавказского солдата. Солнце, между тем, село; загорались бивуачные огни. Я вернулся в готовую уже палатку; но только что уселись мы с И-м у огня, как что-то вблизи визгливо залаяло; откликнулся другой, третий голос, и, наконец, целый хор завыл и захохотал на все лады.

— Что это за концерт? спросил я И-го, морщась от неприятной музыки.

— Чекалки* проклятые. [*Шакалы. На Кавказе их называют «чекалками»]. Ну, ежели вы их не слышали, так они вам спать ночь не дадут.

Голоса увеличивались в числе и приближались, выделявая самые невыносимые рулады. Я не знаю ничего отвратительнее крика шакалов. Человеку с некрепкими нервами можно с ума сойти от него. Единственным средством избавиться от этой лесной музыки, говорят, завывать по-волчьи; но в команде нашей не нашлось такого мастера. И-в приказал выстрелить из ружья. Концерт мгновенно умолк, а через несколько минут еще ближе раздался опять громкий хохот; ему снова откликнулось несколько голосов, и пошла настоящая сатанинская опера.

Чтобы отогнать чем-нибудь неугомонных артистов, мы разложили огни по краям занятой нами площадки. Это немножко помогло; по крайней мере, шакалы держались в почтительном расстоянии от бивуака и позволяли нам заснуть.

На другой день, к полудню, мы прошли правым берегом Сочи к ротам.

Дорогой переправлялись через несколько горных ручьев, правых притоков Сочи. Крупнейшие из них, которые можно назвать даже речками — Ажек и Агуа — текут почти в отвесных берегах. Через них были перекинута два пешеходные мостика, горской работы. Один был разрушен; другой (через Ажек) сохранился довольно хорошо, и мы с И-вым прошли по нем, от правя лошадей и выюки в брод. Мост состоял из цельных древесных стволов, положенных с каждого берега оврага, врытых концами в землю и заклиненных. Деревья сходились над серединой речки и подхватывались снизу подушками, в концы которых врублены были вертикальные стойки. На стойки насажены были длинные тонкие жерди, сделанные из крепкого и гибкого дерева, также утвержденные концами в берегах. Поверх бревен уцелело несколько досок, составлявших, вероятно, часть мостовой настилки. Пила здешним горцам, по-видимому, не была известна, а они приготовляли доски колотые из каштанового или другого хорошо раскалывающегося дерева; по крайней мере, нигде в аулах южного склона мне не попадались пиленные лес.

Мостик этот был очень эластичен; на скрепление его не пошло ни кусочка железа, и вся работа, как видно, была произведена топором...

Орехов И. П. По южному склону Западного Кавказа. (Из путевых заметок) // Военный сборник. Т. LXX. № 11. СПб., 1869. С. 151-152, 165-176.

Материалы подготовил
Самир ХОТКО